

О «дневнике Распутина»

В 2003 г. и 2008 г. в Санкт-Петербурге и Москве появилось два издания «дневника Распутина»*. Выйдя впечатляющим по нашим временам тиражом (4–5 тыс. экземпляров), они снабжены предисловиями публикаторов и комментариями, в первом из них имеется также библиография и указатель имен. Издание 2003 г. открывает обширное (более 300 страниц) исследование доктора медицинских наук, профессора А.П. Коцюбинского и кандидата исторических наук Д.А. Коцюбинского, посвященное характеристике личности Г.Е. Распутина и основанное как на материалах самого «дневника», так и на других источниках. Авторы предисловия к этому изданию отстаивали подлинность публикуемого ими документа. В 2008 г. те же публикаторы уже оставили некоторое место для сомнений и не были столь категоричны. Однако в аннотациях к обеим книгам упорно указывалось, что «дневник» принадлежит именно Распутину.

Что же представляет собой данный документ и что известно о его истории? Эта рукопись, насчитывающая 192 листа, хранится в Государственном архиве Российской Федерации (ф. 612, оп. 1, д. 36). Там же находится и ее машинописная копия (ф. 623, оп. 1, д. 23). Когда и каким образом они попали в архив, ныне уже не известно (в соответствии с оставшейся на рукописи пометкой, она была сдана в Централхив «товарищу Максаккову» 14 марта, однако год не указан). На титульном листе рукописи имеется название ««Дневник Распутина» и 2 письма «Мушки»» и пояснение, согласно которому текст является копией с оригинала рукописи, надиктованной Распутиным его личному секретарю А.Н. Лаптинской («Мушке»). Во втором пояснении уточняется, что текст был переписан Л.П. Крамер с черновиков некой «Гедымин». Публикаторы небезосновательно пишут: «Историки крайне не любят иметь дело с подобными копиями. Сразу возникают вопросы: насколько добросовестно они сняты, нет ли пропусков, опусков (особенно в названиях, фамилиях, датах), вставок “от себя” и т.п. Наконец, самое неприятное: за такими “копиями” зачастую скрываются фальшивки» (2008, с. 6). Признавая оправданность подобных вопросов, нельзя не откликнуться

на призыв публикаторов принять участие в расшифровке этого исторического ребуса» (2008, с. 34).

К сожалению, сами А.П. и Д.А. Коцюбинские отказались от обстоятельного историко-ведческого анализа опубликованного ими документа (2003, с. 340–341), ограничившись лишь кратким изложением своей версии его происхождения. По их мнению, записи могли быть изъяты у Лаптинской фрейлиной А. Вырубовой сразу же после гибели Распутина для редактуры, которая не была осуществлена или завершена из-за начавшейся вскоре революции. Впоследствии Вырубова могла передать оригинал неизвестному лицу «для сведения разрозненных отрывков в единый текст, а, может быть, и просто для сохранности», однако он затерялся, тогда как его рукописная копия попала в архив. Машинописную копию у Вырубовой изъяли чекисты, также передавшие затем ее в архив. Как полагают Коцюбинские, «представить, что в личных бумагах Вырубовой хранилась рукопись подложных мемуаров “старца”, к тому же имеющих вид “грязного пасквиля”, попросту немислимо» (2003, с. 347).

Между тем нет никаких оснований утверждать, будто Вырубова вообще что-либо знала о данном документе. Действительно, машинописная копия «дневника» хранится ныне в ее личном фонде, однако трудно сказать, как и когда он туда попал. Но даже если допустить наличие машинописной копии «дневника» в личных бумагах Вырубовой, почему у нее не мог храниться «грязный пасквиль», требовавший опровержения? Все, что касается происхождения рукописной копии, вовсе относится к области догадок и домыслов. В то же время нельзя не отметить, что «распутинский дневник», как признают и сами публикаторы, по структуре, лексике и титульному листу имеет сходство с «Дневником Вырубовой» – одной из самых громких фальшивок в русской истории XX в., созданной в 1920-е гг. «красным графом» А.Н. Толстым и известным историком-архивистом П.Е. Щеголевым (2008, с. 8). Фальшивка была разоблачена практически сразу же после публикации. «Дневник Распутина» тогда опубликован не был и никаких дискуссий не вызывал.

* Коцюбинский А.П., Коцюбинский Д.А. Григорий Распутин: тайный и явный: Житие опытного странника сквозь призму его личности. Дневник Распутина. СПб.: Лимбус Пресс, 2003. 400 с. (в рецензии – 2003); Дневник Распутина / Рукопись подготовлена к печати Д.А. Коцюбинским и И.В. Лукьяновым. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 416 с. М., 2008 (в рецензии – 2008).

При сравнении двух изданий «дневника Распутина» обнаруживается, что хотя, согласно предисловиям, оба они сделаны на основе рукописной копии, однако в 2003 г. опубликовались ее «отрывки», а в 2008 г. – полный текст (2003, с. 340; 2008, с. 5–6). Между тем структура «дневника» в этих публикациях совершенно разная. Если первый (сокращенный) вариант построен по хронологии и представляет собой целостное повествование с изредка обозначенными в тексте купюрами (которые, кстати, практически никак не соответствуют полной версии), то «дневник», изданный в 2008 г., – это разнородные фрагменты, расположенные в совершенно ином порядке и без соблюдения хронологической последовательности. Публикаторы утверждают, что по времени «дневник» охватывает события 1914–1916 гг. (2003, с. 345; 2008, с. 22). Судя по описанию в нем двух встреч Распутина с А.Ф. Треповым в середине ноября 1916 г. (2003, с. 416, 419–421; 2008, с. 162, 168–170), текст рукописи якобы продолжал составляться и в последний месяц жизни Распутина. Он в это время был преисполнен грандиозных политических планов, осуществление которых в ближайшем будущем для него не представляло никакого сомнения. Между тем в научной литературе пока не было доказано, что Распутин являлся инициатором состоявшейся замены хотя бы одного министра или равнозначной фигуры.

При этом «дневник» изобилует скандальными «фактами» и такими «сведениями», которые не подтверждаются никакими иными источниками. Так, в нем говорится про целую сеть дворцовых заговоров, сплетенных вокруг царской семьи: про спасение Распутиным императора и наследника престола от отравления, про причастность В.Н. Коковцова к убийству П.А. Столыпина, про подготовку полковником М.С. Комиссаровым ложного покушения на царя для устранения дворцового коменданта В.А. Дедюлина и усиления личного влияния Распутина и т.д. Разумеется, в тексте немало и никому не ведомых пикантных подробностей, касающихся жизни Николай II и императрицы Александры Федоровны (император, к примеру, насилует некую Настюшу, которая делает ему «шрам во всю щеку»), происхождения цесаревича, родившегося будто бы не от царя и т.п. (2003, с. 362–363, 367–370, 375–378, 401, 415, 418; 2008, с. 94–95, 102–103, 135–136, 256–259, 276, 291–293). Кроме «неизвестных подробностей», в «дневнике» упоминаются и многочисленные неизвестные лица. В полном тексте их насчитывается до полусотни (тогда как реальных исторических деятелей – 122), в том числе фигурирует и некий Эрик – пер-

сонаж, общий для данного документа и фальшивого «дневника Вырубовой». «Если все это – выдумки фальсификаторов, то чересчур смелые и заведомо рискованные», – пишут авторы публикации (2008, с. 10). В самом деле, чересчур.

Полная версия «дневника» хорошо передает бытовавшие в 1920-х гг. стереотипные представления о предреволюционной эпохе. Распутин предстает дебоширом и развратником, царица, находящаяся с ним в интимной связи, – немецкой шпионкой, готовой свергнуть и убить мужа ради заключения сепаратного мира, и проч. (2008, с. 90–91, 157–158). Все это не мешает авторам публикации предположить, будто «рукопись Лаптинской» составлялась как материал для будущего его «жития» (2003, с. 345). Судя же по тексту «дневника», он составлялся по инициативе самого Распутина (2003, с. 425; 2008, с. 240). Непонятно только, зачем ему понадобилось столь резко изменять тот образ «опытного странника», который был создан им и его окружением одновременно или незадолго до написания «дневника». Сокращенный вариант композиционно усовершенствован, очищен от наиболее одиозных «фактов» (тотальный шпионаж в пользу Германии, участие Коковцова в убийстве Столыпина) и мелочей, в нем значительно реже говорится о заговорах, однако резко очерчен негативный образ Николая II и его дочерей, изображенных истеричными натурами, буквально поклоняющимися Распутину (2003, с. 363–366, 373–375).

Литературный стиль «дневника» поражает разнообразием и используемой фразеологией. «А Думу – закрыть, – настаивает в нем Распутин. – Закрыть Думу! А то Гучков нас всех прикроет. Из под яго крышки не выскочишь. Вот». «Но уже она не спрашивала, – с неожиданной сентиментальностью описывает он свою встречу с императрицей. – Тихия слезы капали на мои руки... И она шептала, целуя мои пальцы». Распутин то говорит языком прорицателя («Черный орел – это не вестник смерти, а вестник великой царской радости! Случится чудесное избавление от тех, кто от тебя и от Солнышка заграждает милость Божию»), то выражается с репортерской сухостью («Расследование показало следы яда в каштанах. Кроме их двоих никто не пострадал. Виновных не оказалось. Были аресты в поварской части. Ни к чему не привели»), иногда даже пускается в гамлетовские размышления («Что я несу или спасение – или гибель Дому... но все равно, ежели это от судьбы, то от судьбы не уйдешь»). «Ух, и страшное же время, – делится автор «дневника» своими впечатлениями. – Порой

кажется, будто не живешь это сам. А кто-то тебе про такое рассказывает. Главное то, што все люди, которых мне дают и которых мы с Мамой уставляем на место министров, — либо подлец над подлецом, либо продажная шкура. До чего подлый народ... Один любит баб, другой — вино, третий — карты. Одному — чтобы честь, почет, другому — деньги». Записаны в «дневнике» и указания, будто бы переданные Распутиным через императрицу Николаю II: «Што он должен это константинопольское дело так повести, штобы и английские, и французские правители уже знали, што это секретные разговоры, а што если што сказано, то и выполнить надо: што будет того требовать потом вся Рассея. А не то, штобы разговорами прохладяться» (2003, с. 361, 372, 373, 376, 391, 401, 422, 424).

В «дневнике» часто и пространно цитируются различные документы (письма, телеграммы) и чужая речь. В частности, приведены в пересказе слова, якобы сказанные Дедюлиным: «Царь, от тебя твой народ откажется, потому, грит, большой позор российским столбовым дворянам быть под мужиком, ...а всего страшнее, што об нас уже печалится... и заграничная страна» (2003, с. 365–366, 386–388; 2008, с. 38–39, 219 и др.). Вместе с тем в тексте обильно используются нецензурная лексика, простонародные выражения, междометия, выдающие стилизацию под живую речь Распутина. В этой имитации «народной стилистики» публикаторы увидели «неповторимый распутинский стиль» (2003, с. 341). Между

тем тексты, принадлежность которых Распутину не вызывает сомнения, несмотря на то, что они также были литературно обработаны разными лицами, стилистически гораздо более цельны и однообразны¹. Хорошо известные записочки и телеграммы Распутина, не прошедшие редактуру, и вовсе отличаются путанным изложением и малограмотностью².

Публикаторы «дневника» утверждают, что, независимо от его подлинности или подложности, он создает «едва ли не наиболее достоверный и целостный из имеющихся на сегодня в исторической литературе психологический портрет Распутина» (2008, с. 33–34). На самом деле «дневник» вовсе не раскрывает личность предполагаемого автора, действующего и говорящего на его страницах скорее как герой второсортного авантюрного романа. Это, безусловно, один из ярких образчиков фальсификаторства 1920-х гг., воплотивший в себе весь творческий напор и этическую неразборчивость той эпохи.

Ф.А. Гайда,
кандидат исторических наук
(Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова)

Примечания

¹ *Распутин Г.* Житие опытного странника. СПб., 1907; *он же.* Мои мысли и размышления. Ч. 1. Пг., 1915.

² Подробнее см.: *Варламов А.Н.* Григорий Распутин-Новый. М., 2008. С. 450–455.

С.В. Болотов. Русская Православная Церковь и международная политика СССР в 1930-е – 1950-е годы. М.: Издательство Крутицкого подворья. Общество любителей церковной истории, 2011. 315 с.

Взаимоотношения Церкви и государства в СССР посвящено уже немало диссертаций, монографий, а также множество статей и публикаций. При этом простор для исследований до сих пор остается весьма широким. Материалы отечественных и зарубежных архивов постепенно дополняют и проясняют картину данного периода нашей истории. 1930–1950-е гг. — один из наиболее интересных этапов сложного пути церковно-государственных отношений. Поворот государственной политики от уничтожения Церкви к ее восстановлению может показаться необъяснимым (отчасти из-за недоступности некоторых документов) и допускает разные трактовки,

нередко зависящие от политических симпатий и антипатий авторов. К сожалению, даже в серьезные статьи и монографии проникают неподтвержденные документально легенды о митрополите Илии (Караме), о покаянии руководителей СССР в прежнем безбожии и т.д. В связи с этим каждая новая научная работа, раскрывающая нюансы церковно-государственных отношений середины XX в., становится заметным событием в научной жизни. В полной мере это относится и к рецензируемой книге Сергея Вячеславовича Болотова.

Основанная на анализе архивных документов, она привлекает внимание строгим научным подходом к истории сотрудничества